

РОЛЬ ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ СЛОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ

Абдуллаев Алилгаджи Абдуллаевич, доктор филологических наук, профессор, Дагестанский государственный педагогический университет, Республика Дагестан, 367003, г. Махачкала, ул. Ярагского, 57.

Рамазанова Джавгарат Асадулаевна, кандидат педагогических наук, доцент, Дагестанский государственный педагогический университет, Республика Дагестан, 367003, г. Махачкала, ул. Ярагского, 57.

Шамхалов Абдулафис Шахпазович, кандидат педагогических наук, доцент, Дагестанский государственный педагогический университет, Республика Дагестан, 367003, г. Махачкала, ул. Ярагского, 57.

Султанахмедова Камилат Ахмедовна, кандидат педагогических наук, доцент, Дагестанский государственный педагогический университет, Республика Дагестан, 367003, г. Махачкала, ул. Ярагского, 57.

В статье рассматривается проблема формирования лингвистической компетенции студентов национальной аудитории педагогического университета в процессе историко-этимологической трактовки слов на основе лингвокультуроведческого анализа художественных текстов.

Ключевые слова: анализ текста, концепт, перевод, фразеологизмы, история, этимология

ROLE OF THE HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL ONEIROMANCY IN FORMATION LINGUISTIC COMPETENCE OF STUDENTS

Abdullaev Alilgadzhi A., Doctor of Philology, professor, Dagestan State Pedagogical University, Republic of Dagestan, 367003, Makhachkala, Yaragskiy St., 57.

Ramazanova Dzhavgarat A., candidate of pedagogical sciences, associate professor, Dagestan State Pedagogical University, Republic of Dagestan, 367003, Makhachkala, Yaragskiy St., 57.

Shamkhalov Abdulafis Sh., candidate of pedagogical sciences, associate professor, Dagestan State Pedagogical University, Republic of Dagestan, 367003, Makhachkala, Yaragskiy St., 57.

Sultanakhmedova Kamilat A., candidate of pedagogical sciences, associate professor, Dagestan State Pedagogical University, Republic of Dagestan, 367003, Makhachkala, Yaragskiy St., 57.

In article the problem of formation of linguistic competence of students of national audience of pedagogical university in the course of historical and etymological treatment of words on the basis of the linguistic and kulturovedchesky analysis of art texts is considered.

Keywords: text analysis, concept, transfer, phraseological units, history, etymology

Новые государственные образовательные стандарты требуют творческого изучения их основных положений, научно-теоретической интерпретации и пересмотре методов и приемов практической реализации их с ориентацией на региональные и

национально-культурные особенности обучения русскому языку. В них акцентируется внимание на необходимости использования возможностей учебного материала для воздействия на разностороннее воспитание обучаемых. В центре внимания стандартов стоит проблема формирования языковой компетенции личности и ее нравственного, эстетического, патриотического воспитания.

Одним из эффективных средств формирования лингвистической компетенции студента и воспитания языковой личности его как будущего учителя начальных классов является историко-этимологическое толкование слов в процессе анализа художественного текста.

Анализ художественного текста знакомит студентов не только с выраженной в нем информацией, но и скрытыми за ним историко-фонowymi сведениями, что стимулирует интерес к истории и структуре слова. Знакомя студентов с содержанием текста, преподаватель акцентирует их внимание на языковых и этнокультурных релевантных его фрагментах, основных смыслах и ключевых концептах.

Работа с художественным текстом способствует совершенствованию навыков русской речи нерусских студентов, поэтому ее нужно проводить систематически. В этом случае интерес студентов к специфическим признакам слов русского языка приобретает устойчивый характер, обогащается их лексикон, расширяется филологический и общекультурный кругозор, формируется билингвистическое мышление.

Анализируя тексты разных жанров и стилей, а не только художественные, студенты начинают самостоятельно соотносить содержание читаемого с отраженными в нем сведениями о реалиях и этнокультуроведческих понятиях. В их языковой памяти накапливаются теоретические знания, необходимые для осмысления образно-метафорической системы произведения и идиостиля его автора, развивается способность адекватно трактовать этнокультуроведческие концепты.

Однако накопленные теоретические знания по лингвистическим и культурно-эстетическим аспектам текста и выработанные навыки репродуктивной передачи его содержания не всегда реализуются с ожидаемой результативностью в продуктивных видах речевой деятельности студента при устном или письменном изложении собственных мыслей, впечатлений и переживаний.

Едва ли можно считать продуктивной такую работу на занятиях по русскому языку, когда анализ текста сводится к пересказу содержания прочитанного, который в лучшем случае сопровождается выделением и констатацией отдельных выразительных средств, не затрагивая неявно содержащейся в нем культуроведческой информации, в особенности специфики мировосприятия русского народа, идейно-эстетической установки автора на восприятие своего произведения потенциальным читателем.

В полноценном восприятии и осмыслении информации и художественно-эстетической системы художественного текста большое значение имеет историко-этимологическое толкование отдельных этнокультуроведчески значимых слов. Студентов нужно не только знакомить с происхождением и историческим развитием значения, морфологического состава и словообразовательной структуры анализируемого слова, но и учить их, чтобы они самостоятельно могли характеризовать слово по этим признакам. Например, рассматривая отрывок из поэмы М.Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», студенты обратили внимание на то, что опричник Кирибеевич, добываясь жены купца Калашникова Алены Дмитриевны, говорит, что он очень богат, оденет ее, как царицу, одарит ее всякими драгоценностями, а «не вор какой, душегуб лесной». Студентам показалось неожиданным признание столь богатого опричника в том, что он не вор: они восприняли это слово в современном его значении – «крадущий, воруемый чужое». А в поэме Лермонтова оно употреблено в устаревшем значении – «преступник, законоотступник, обманщик, плут, самозванец». Это существительное образовано от основы глагола *врати* «говорить», но в процессе исторического развития языка приобрело разные значения. К примеру, в старорусском языке воровать означало «прелюбодействовать», прилагательное воровской – «обманный». В данном

контексте представляется уместным привести современную поговорку «Простота хуже воровства», в которой употребительные в современном русском языке слова простота и воровство выступают в устаревшей семантике. Смысл данной поговорки В.И. Даль в Толковом словаре живого великорусского языка поясняет так: «Глупость, которая набедит хуже вора». И в этом толковании слово «вор» использовано в его старом значении. Приведенную поговорку перифрастически можно переизложить в следующем виде: «Оплошность хуже преступления».

Итак, спектр сем слова вор в прошлом был очень широк. Оно означало понятия: «обманщик», «плут», «жулик», «прохиндей», «злодей», «злоумышленник», «фальшивомонетчик». Приведем пример использования его в значении «поджигатель»: «Урядили, положили старики, если объявится лиходей, что у Лютого токарню спалил, потачки ему, вору, не давать: из лет не вышел – в рекруты, вышел из лет – в Сибирь на поселение» [5, с. 31].

Такое толкование значения слова «вор» позволит студентам правильно определить, в старом или новом значении выступает оно в ответе Пугачеву одного из героев романа Пушкина «Капитанская дочка» – Миронова, капитана Белогорской крепости: «Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!». Для студентов очевидно, что Пугачев не занимался кражами, и в слово «вор» капитан вложил значение «государственный преступник».

Для формирования лингвистической компетенции студентов весьма важно использовать тематико-полевые ассоциации и реминисценции. В частности, историко-этимологические комментарии они запомнят надолго, если рассматриваемое слово будет представлено их вниманию во всех его исконных словообразовательных связях. Например, с рассмотренным словом целесообразно связать исторически однокоренное образование от основы древнерусского глагола *върати* – *врач*. Последнее изначально содержало значение, основанное на семантике приведенного глагола «говорить», то есть древний врач исцелял больных способом заговаривания болезни, волшебством, колдовством.

Синонимичное «доктор», появившееся в русском языке позже XVII в., в современном русском языке употребляется обыкновенно как вежливое обращение к врачу.

Рассматривая производные существительные, созданные на основе древнерусского глагола *върати*, никак нельзя не остановиться на слове *мошеник*, которое по своей семантике странным образом переплелось со словом *вор*. Историческое развитие этих существительных привело к их «рокировке», по определению Н.М. Шанского, то есть они поменялись своими значениями. В древности *мошеником* называли того, кто занимался кражей *мошны*. *Мошной* назывался меховой, матерчатый или вязаный мешочек на вздержке или с завязками, в котором хранили и носили деньги, в основном монеты; бумажные деньги появились на Руси в XVIII в. *Мошну* носили на поясе; карман, вшитый в платье, появился не ранее XIX в.

В словаре Даля имя существительное «карман» толкуется как «мешочек, пришитый к одежде, или на поясе, кишень, зепь», а производное «карманник / карманщик» – как «карманный вор, мазурик, тяглец, кто шарит по карманам». К слову «мошна» Даль приводит образование «мошеник», которое толкует через синонимы: «карманник, тяглец, карманный вор».

Таким образом, в словаре Даля отразился факт сосуществования двух близких по семантике слов «карман» и «мошна», а также созданных от их основ названий лиц «карманник» и «мошеник». Семантическое тождество членов данных пар – свидетельство того, что в XIX в. еще не завершился процесс дифференциации по значению слов «вор» и «мошеник».

Особенно пристального внимания с точки зрения историко-этимологической трактовки слов в процессе анализа художественного текста требуют стихотворения русских поэтов, содержащие специфические концепты, отражающие реалии быта, русского народа, особенности природы России. Примером может служить стихотво-

рение А. Блока «Осенний день», в котором нашла отражение важная для расширения кругозора студентов информация.

Идем по жнивью, не спеша,
С тобой, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.

Осенний день высок и тих,
Лишь слышно – ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За летом журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что плач осенний значит?

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И свети в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

Объектом внимания студентов в этом стихотворении являются слова, словосочетания и целые предложения: жнивье, сельская церковь темная, осенний день высок, ворон зовет товарищей своих, овин, низкие нищие деревни. Студенты под руководством преподавателя выясняют значение этих слов по словарям. Особо можно остановиться на существительном овин, потому что оно обозначает реалию, которой нет и не было в Дагестане: Овин – это сарай, в котором перед молотью сушили снопы. Посредине в яме/ямине разводили огонь. Над ямой, на решетках, сушили снопы.

При объяснении этого слова можно привести однополевые соответствия: рига и гумно. Рига – сарай для сушки снопов и молотью; гумно – сарай, в котором молотили хлеб. Можно сослаться на слова из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Родина»:

С отрадой, многим не знакомой,
Я вижу полное гумно.

По-видимому, не обошлось без того, что овин сгорал от неосторожного обращения с огнем, который разводился в яме. Об этом свидетельствует старая русская поговорка: «Не закладывайся за овин, за мерина да за жену: сгорит, убьет, согрешит. Полагайся на овин, на жену и на мерина: сгорит, обманет, убьет» [2, с. 532]. Из поговорки ясно, что «ручаться за овин нельзя, потому что может сгореть, как и за мерина, который может убить, и за жену, которая может изменить».

Историко-этимологическое толкование слов должно быть доведена до такой степени, чтобы ни одно непонятное или сомнительное слово не было оставлено без внимания и объяснения. Объяснения требует употребленное в данной поговорке слово мерин, так как нельзя в нем видеть гиппологический термин, обозначающий хо-

лощеного жеребца, в котором едва ли логично заподозрить убийцу. Для истолкования этого слова можно привести другую поговорку, тоже старую: «Врет, как сивый мерин», в которой мерин тоже не обозначает лошадь.

Фразеологизмы, как правило, имеют свою осмысливаемую основу, понятное дофразеологическое значение. Поэтому закономерен вопрос: может ли мерин (лошадь), в отличие от кобылы, жеребца или жеребенка, лгать и убивать? Конечно, нет, и мнение о том, что в этих поговорках мерин обозначает лошадь должно быть отклонено. Рассматриваемое слово обозначало представителя древнего финно-угорского племени меря, жившего на территории Волго-Окского междуречья, растворившегося еще в древнейшие времена в восточных славянах. Меряне отличались сероватым цветом волос. Славяне относились к ним с недоверием, что и послужило основанием для приведенных поговорок [1, с. 43–44].

Слова из вышеприведенного стихотворения А. Блока «Осенний день», которое было написано в 1909 г.: «И низких наших деревень Не счесть, не смерить оком» вызывают ассоциацию со следующим четверостишием из его же стихотворения «Россия», написанного годом раньше:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые –
Как слезы первая любви!

Помимо констатации признания поэта в любви к «нищей России», эти строки привлекают интерес к необычной для современной русской морфологии словоформе *первая*. Это форма родительного падежа единственного числа прилагательного женского рода *первая*. Орфографической реформой 1917–1918 гг. было упразднено окончание *-ья*, вместо него стало употребляться современное окончание *-ой*. Мы же в процитированных стихах привели это прилагательное в той форме, в которой написано было А. Блоком. В данном стихотворении в послереформенных изданиях стихов поэта форма *первая* была заменена на *первые*, чтобы сохранить количество слогов. Вследствие этого определение, которое относилось к существительному *любовь* (*первая любви*), стало ошибочно относиться к существительному *слезы* (*первые слезы*). Если согласиться с утвердившейся в изданиях, относящихся к периоду после орфографической реформы, то можно верить в возможность и вторых и третьих и т.д. слез любви, что абсурдно с логической и этико-эстетической точек зрения. А слезы первой любви особенны, горячи и неповторимы. И сравнение характерных для России признаков со слезами первой любви придало экспрессии признания поэта особенную эмоциональность.

Следовательно, чтобы сохранить столь оригинальное сравнение поэта, нужно воспроизводить архаическую грамматическую форму *первая*.

Рассмотренные слова «нищая Россия» вызывают ассоциацию со словами из стихотворения Лермонтова «Родина» «дрожащие огни печальных деревень». Можно сослаться на данную Н.А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо» характеристику России:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка Русь!

Внимание студентов обращается на то общее, что наблюдается в стихотворениях русских поэтов. Это бедность России, убожество ее печальных деревень. Уместно будет констатировать факт окончательного исчезновения с лица земли нескольких десятков тысяч российских деревень к сегодняшнему дню. Каковы объективные и

субъективные причины этой трагедии? Дадим студентам возможность поразмышлять над ответом на этот вопрос.

Тем не менее, из приведенных выше примеров студенты извлекают выводы, выходя на другой уровень осмысления описанных в стихотворениях фактов и явлений. Так, русские поэты выражали свою любовь к России с ее неоднозначностью, со своими контрастами: Родину, как и мать, не выбирают. Ее любят как единственную и незаменимую, а не за богатство или красоту, то есть такую, какая она есть.

Лингвокультуроведческий анализ художественных текстов и историко-этимологическое освещение содержащихся в них ключевых концептов, слов, релевантных с точки зрения истории их структуры и семантики, формируют у студентов не только навыки разностороннего описания слова, но и умение эстетически воспринимать идейно-художественную сущность текста, способность устного и письменного художественного выражения собственных мыслей, впечатлений, переживаний. «Язык художественной литературы как высшее достижение национальной речевой культуры может служить для обучающегося ориентиром в правильном литературном выражении своих мыслей» [2, с. 44].

Особенно эффективное воздействие на формирование лингвистической компетенции нерусских студентов оказывает анализ стихотворений классиков русской поэзии, которая представляет художественную речь в ее возвышенном воплощении. Она отражает богатство русского языка в новом, облагороженном, виде. «Подлинное произведение искусства слова характеризуется исключительной мотивированностью, концентрированностью, слитностью и активностью стилистических средств, особенно языковых, в том числе функционирующих имплицитно. В этом смысле художественная речь предельно избыточна, и за видимой простотой ее обычно скрывается сложная речезстетическая структура.

Специфика художественной речи может быть воспринята в ее истинной сущности только при условии собственно эстетического подхода к произведению» [3, с. 48–49].

Авторы данной статьи далеки от гиперболизированной оценки роли историко-этимологической трактовки структуры и семантики слов русского языка в процессе лингвокультуроведческого анализа художественных текстов, понимая, что этот подход вовсе не панацея, которая может избавить преподавателя от всяких сложностей, с которыми он часто сталкивается на занятиях по русскому языку в нерусской студенческой аудитории. Этот вид работы нужно сочетать с другими традиционно оправдавшими себя методами и приемами обучения формирования лингвистической компетенции студентов.

Список литературы

1. Абдуллаев А. А. Лексическая работа на занятиях по практическому курсу русского языка / А. А. Абдуллаев. – Махачкала, 2006.
2. Бельчиков Ю. А. О стилистическом комментировании художественного и публицистического текстов / Ю.А. Бельчиков // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова : сб. ст. – М., 1971.
3. Васильева А. Н. К проблеме использования художественной литературы при обучении неродному языку / А. Н. Васильева // Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова : сб. ст. – М., 1971.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М., 1995. – Т. 1.
5. Мельников-Печерский П. И. В лесах / П. И. Мельников-Печерский. – М., 1987. – Т. 1.

References

1. Abdullaev A. A. Leksicheskaia rabota na zanjatijah po prakticheskomu kursu russkogo jazyka. – Mahachkala, 2006.
2. Bel'chikov Ju. A. O stilisticheskom kommentirovanii hudozhestvennogo i publicisticheskogo tekstov // Pamjati akademika Viktora Vladimirovicha Vinogradova : sb. st. – M., 1971.

3. Vasil'eva A. N. К проблеме испол'зованија художественной литературы при обучении народному языку // Памјати академика Виктора Владимировича Vinogradova : sb. st. – М., 1971.

4. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. – М., 1995. – Т. 1.

5. Mel'nikov-Pecherskij P. I. V lesah. – М., 1987. – Т. 1.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ПЕРИФРАЗ

Гонзина Наталья Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.

Мязина Юлия Евгеньевна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а e-mail: juliamyazina@yandex.ru.

Данная статья посвящена лингвистическому понятию – термину «перифраза». Исследование строится на анализе существующих классификаций явления перифразы в области лингвистики. У понятия перифразы есть большое количество ее разновидностей. Хотя явление перифразы имеет довольно долгую историю, природа и сущность его до сих пор до конца не выяснена. Учитывая противоречия в сфере понятийно-терминологического аппарата перифразы, отсутствует единство классификации.

Ключевые слова: перифраза, перифрастический оборот, классификация, разновидности, лингвистика

TO THE QUESTION OF CLASSIFICATION OF PERIPHRASES

Gonzina Natalia M., Candidate of Philology, assistant professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a, Tatischev St.

Myazina Julia E., postgraduate student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a, Tatischev St., e-mail: juliamyazina@yandex.ru.

This article is devoted to the linguistic concept – the term “periphrasis”. The research is based on the analysis of existing classifications of the phenomenon of periphrasis in the field of linguistics. The concept of periphrasis has a large number of its variants. Though the phenomenon of periphrasis has quite a long history, its nature and essence can't still be exactly described. Considering the contradictions in the sphere of conceptual structure and framework of periphrasis, there is no unity of classification.

Keywords: periphrasis, perifrastichesky unit, classification, variants, linguistics

Как показал обзор источников, у понятия «перифраза» есть большое количество ее разновидностей. Тем не менее, существует основная, наиболее полная классификация перифраз, которая признана ведущими учеными-лингвистами. Однако многие из них все же иногда добавляют некоторые свои виды перифраз.

Таким образом, согласно традиционной главной классификации, перифразы бывают следующих видов.

1. Образные. Как считает И.Р. Гальперин, образные перифразы, возможно, основываются либо на фразах-метафорах, таких, как: back foolish tears; back to your native spring (eyes), либо на фразах-метонимиях, например: “The hospital was crowded with the surgically interesting products of the fighting in Africa” (I.Sh.), где развернутая метонимия стоит вместо “the wounded”. Как мы видим, между метафорой и метафорической перифразой существенного различия нет, кроме структурного. Итак, к метафорическим перифразам, в основе которых метафора, можно отнести выражение the sky-lamp of the night (moon). Что касается метонимической перифразы, которая